

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

М. Б. Кострова*

ПАРАДОКСЫ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ УСИЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

Аннотация. Предметом настоящего исследования является соотношение объявленного целеполагания и реальных результатов российской уголовной политики 2009—2017 гг. в части усиления уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения. Анализируются и критически оцениваются законодательные новеллы в данном направлении и практика их реализации.

Общий вывод, к которому приходит автор, неутешителен: объявленный нашим государством уголовно-политический курс на усиление уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, характеризуется целым рядом системных недостатков, что с учетом «вклада» всех форм реализации уголовной политики — законотворчества, правоприменительной деятельности и праворазъяснительной практики Конституционного и Верховного судов РФ — приводит к парадоксальным результатам, основными из которых являются следующие:

1. Криминализация в 2014 г. такого деяния, как управление механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, представляющего собой, по сути, деликт опасности (ст. 264.1 УК РФ), осуществлена на фоне проводимой с 2003 г. декриминализации более общественно опасных деяний с точки зрения ценности объектов уголовно-правовой охраны, к тому же она дает существенное приращение количества лиц, имеющих судимость за преступления небольшой тяжести, что не согласуется с тенденцией уголовной политики в части ее направленности на сокращение количества лиц, имеющих судимость за преступления небольшой тяжести, причем тоже более общественно опасных.
2. Политика «усиления» носит фрагментарный характер, что проявляется в установлении квалифицирующего признака «совершение преступления в состоянии опьянения» (ст. 264 УК РФ) только в одном составе преступления, в результате за ее рамками остаются равные и даже более опасные деяния.
3. Допускаемая уголовным законом и реализуемая на практике возможность освобождения от уголовной ответственности по основаниям, установленным ст. 75 и 76 УК РФ, лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 264 и 264.1 УК РФ, нивелирует цель усиления уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения.
4. Введение в ст. 63 УК РФ такого обстоятельства, отягчающего наказание, как «совершение преступления в состоянии опьянения», не дает масштабного реального усиления наказания лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения.

© Кострова М. Б., 2017

* Кострова Марина Борисовна, кандидат юридических наук, доцент, профессор Башкирского государственного университета
kostrovam@mail.ru
450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32

Ключевые слова: *юриспруденция, уголовный закон, уголовная политика, законотворчество, правоприменение, праворазъяснительная практика, уголовная ответственность, наказание, состояние опьянения, безопасность движения и эксплуатации транспорта.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.128.7.137-150

В первоначальной редакции УК РФ совершение лицом преступления в состоянии опьянения признавалось нейтральным обстоятельством, не оказывающим влияния на дифференциацию уголовной ответственности и наказания: в ст. 23 Кодекса было лишь объявлено, что такое лицо «подлежит уголовной ответственности». Но, начиная с 2009 г., государством взят уголовно-политический курс на усиление уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, что на уровне законотворчества поэтапно выглядит следующим образом.

1. Федеральным законом от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ в ст. 264 «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» был введен квалифицирующий признак — совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения. В результате этого статья теперь состоит из шести частей, при этом ч. 2, 4 и 6 предусматривают уголовную ответственность за нарушение обозначенных правил в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 2), смерть одного человека (ч. 4), двух или более лиц (ч. 6). Сообразно такому подразделению увеличены и максимальные сроки лишения свободы, которые в настоящее время составляют 4 года, 7 и 9 лет, что на 2 года превышает сроки, установленные соответственно ч. 1, 3 и 5 (те же деяния, совершенные не в состоянии опьянения).

2. Федеральным законом от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ ст. 63 УК РФ была дополнена ч. 1.1, которой устанавливалось, что «судья (суд), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может признать отягчаю-

щим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ». Таким образом, законодатель, который при принятии УК РФ 1996 г. отказался от включения «совершения преступления в состоянии опьянения» в число обстоятельств, отягчающих наказание (как это было УК РСФСР 1960 г.), вновь вернулся к нему.

3. Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ в УК РФ введена ст. 264.1, установившая уголовную ответственность за управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения (при наличии иных указанных в ней условий).

4. Последним в ряду законодательных новелл в рассматриваемой части стало расширение перечня средств (веществ), вызывающих опьянение (конкретизация понятия «состояние опьянения»), для целей ст. 23, ч. 1.1 ст. 63 и примечания 2 к ст. 264 УК РФ (Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 328-ФЗ).

Как видим, в настоящее время в Особенной части УК РФ имеются две статьи, в которых управление лицом транспортными средствами в состоянии опьянения признается либо обязательным (ст. 264.1), либо квалифицирующим (ст. 264) признаком состава преступления, причем обе они находятся в главе «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств». Актуальность данных новелл их авторы-разработчики обосновывали тревожной тенденцией постоянного роста числа ДТП, произошедших по вине водителей, находящихся в состоянии опьянения. В результате введения данных новелл в УК РФ прогнозировалось значительное снижение количества ДТП и тяжести их последствий¹.

¹ См. паспорт проекта федерального закона № 186587-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения». Пояснительная записка к проекту ; паспорт проекта федерального закона № 93181-5 «О внесении изменений в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации» (об усилении уголовной ответственности за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств водителями, находящимися в состоянии алкогольного (и/или) наркотического опьянения)». Пояснительная записка к проекту // СПС «КонсультантПлюс».

С одной стороны, если брать эти новеллы изолированно, они выглядят социально и криминологически обоснованными. Как отмечают специалисты, нахождение человека в состоянии опьянения порождает дефекты мышления и воли, играя определенную роль в механизме преступного поведения и определяя пониженную сиюминутную способность прогнозировать последствия своих действий (бездействия) и осознанно руководить ими, т.е. способность лица осознавать свои действия или руководить ими существенно уменьшается², при этом «...опьянение субъекта преступления, предусмотренного ст. 264 УК России, имеет особую общественную опасность... лицо должно и могло предвидеть, что в результате осознанно-волевого приема алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ у него уменьшаются объем воспринимаемой информации, скорость реакции, нарушаются внимание, координация, иные высшие психические функции, возможно наступление тяжких последствий...»³.

С другой стороны, не следует забывать, что УК РФ — это системный нормативный правовой акт, причем его системность проявляется и на отраслевом, и на межотраслевом уровнях.

С учетом этого оценка обозначенных новелл должна быть, по моему представлению, противоположной, основанием для чего служат следующие факты, обнаруживаемые на уровне не только законодательства, но и иных форм реализации уголовной политики — правоприменения и праворазъяснительной практики Конституционного и Верховного судов РФ⁴.

Прогнозируемого значительного снижения количества ДТП и тяжести их последствий, если судить хотя бы не по реальной и даже не по зарегистрированной преступности, а только по количеству лиц, осужденных в 2008—2016 гг. по ст. 264 УК РФ (без учета дополнительной квалификации), не произошло, что видно из таблицы 1, составленной по статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Зато в России только за полтора года (2-е полугодие 2015 г. — 2016 г.) наблюдается существенное приращение количества лиц, имеющих судимость за преступления небольшой тяжести: по ст. 264.1 УК РФ осуждено 94 269 лиц⁵.

Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ, которым в УК РФ введена ст. 264.1, в результате чего в нем появилось новое преступление небольшой тяжести, вступил в силу с 1 июля 2015 г. И в это же время (конец июля

Таблица 1

Показатель	Годы								
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Количество лиц, осужденных по ст. 264 УК РФ	11 011	10 081	13 217	13 170	14 436	15 271	11 695	9 227	10 406

² Спасенников Б. А., Спасенников С. Б. Невменяемость в уголовном праве : монография. М., 2013. С. 141—142.

³ Спасенников Б. А., Спасенников С. Б. К проектам федеральных законов о внесении изменений в ст. ст. 63, 263, 264 Уголовного кодекса Российской Федерации // Мировой судья. 2008. № 11 // СПС «Консультант-Плюс».

⁴ Праворазъяснительная практика Конституционного и Верховного судов Российской Федерации признается автором самостоятельной формой реализации уголовной политики, хотя в уголовно-правовой литературе традиционно выделяются только две ее формы — правотворчество и правоприменительная деятельность (Кострова М. Б. Праворазъяснительная практика Конституционного и Верховного судов РФ в системе форм реализации уголовной политики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIII Международной научно-практической конференции (28—29 января 2016 г.). М., 2016. С. 60—65.

⁵ Отчеты о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации: основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008—2015 годы ; сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015 год, за 2016 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> ; <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> ; URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (дата обращения: 21 апреля 2017 г.).

2015 г.) государство вплотную озаботилось увеличением в общей структуре судимости доли лиц, осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести⁶, что примерно еще через год было объективировано на законодательном уровне: Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ за счет введения в УК РФ новых норм с административной преюдицией были частично декриминализированы весьма распространенные в России преступления — побои, нанесенные не «близким лицам»⁷, не из хулиганских побуждений, не по «экстремистскому» мотиву и не лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116 и 116.1 УК РФ), и неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, совершенная в отсутствие предикативного административного правонарушения и административного наказания за него (ст. 157 УК РФ). Новелла, как видно по расчетам авторов-разработчиков проекта этого закона, сделанным на базе статистических показателей о количестве лиц, ежегодно осуждаемых по ч. 1 ст. 116 и 157 УК РФ, способна вывести из-под действия уголовного закона около 80 тыс. лиц⁸. С учетом планируемой, но не реализованной на практике декриминализации преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119 и ч. 3 ст. 327 УК РФ, эта цифра составляла около 200 тыс. лиц⁹.

В 2016 г. произошло увеличение в 2,5 раза денежного выражения стоимости имуще-

ства, составляющего предмет мелкого хищения, в ст. 7.27 КоАП РФ (Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ), соответственно, хищение чужого имущества путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты (при отсутствии квалифицирующих признаков) преступлением теперь признается при стоимости похищенного имущества свыше 2,5 тыс. руб., что можно считать неявным способом частичной декриминализации этих преступлений небольшой тяжести.

На фоне только этих примеров, с учетом закрепленной в ст. 2 и отраженной в Особенной части УК РФ иерархии объектов уголовно-правовой охраны, а также оценки причиняемого всеми упомянутыми преступлениями реального вреда вопрос об обоснованности криминализации управления транспортным средством в состоянии опьянения (по сути — деликта создания опасности) выглядит риторическим. Правильно пишут Ю. В. Грачева, А. И. Коробев и А. И. Чучаев: «...установление уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения не отвечает требованиям необходимости, допустимости и целесообразности криминализации этого правонарушения и перевода его в разряд уголовно наказуемых деликтов».

В обоснование своей позиции они приводят следующие доводы против такой криминализации:

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 июля 2015 г. № 37 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности” и “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”»». Пояснительная записка к законопроекту // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/Show_pdf.php?id=10240 (дата обращения: 4 февраля 2017 г.).

⁷ Федеральным законом от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» указанная группа «специальных потерпевших» исключена из состава побоев, что является очередной наглядной иллюстрацией хаотичности современной российской уголовной политики.

⁸ Паспорт проекта федерального закона № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (внесен Верховным Судом РФ). Пояснительная записка к проекту // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: [http://asozd2b.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=953369-6](http://asozd2b.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=953369-6) (дата обращения: 4 февраля 2017 г.).

⁹ Паспорт проекта федерального закона № 953369-6.

- 1) она произведена без учета степени общественной опасности деяния, малозначительность правонарушения не диктовала необходимости вести с ним борьбу уголовно-правовыми средствами;
- 2) отсутствовал учет такого фактора, как распространенность негативного социального явления, в данном случае — чрезмерная распространенность таких нарушений, что создает предпосылки для наступления целого ряда нежелательных последствий:
 - а) снижается «образ преступника»;
 - б) искажаются представления о действительной опасности преступности;
 - в) перегружается система юстиции;
- 3) расчет в подобных случаях на общепреventивное действие уголовного закона оказывается, как правило, несостоятелен, реализовать в полной мере принцип неотвратимости наказания будет практически невозможно, а значит, престиж уголовного закона в глазах населения будет подорван;
- 4) перевод большого числа лиц с упомянутыми формами отклоняющегося поведения в категорию «преступники» не будет воспринят общественным правосознанием как справедливый¹⁰.

Если темпорально расширить обзор законодательных новаций в части регламентации состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, то обнаруживается следующая картина. Изначально основной состав нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ч. 1 ст. 264) включал в альтернативе причинение по неосторожности трех общественно опасных последствий: тяжкого вреда здоровью человека, средней тяжести вреда здоровью человека, крупного ущерба. В дальнейшем из ч. 1 ст. 264 УК РФ было исключено общественно опасное последствие в виде крупного ущерба (Федеральный закон от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ), а затем и средней тяжести вред здоровью человека (Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ). В последнем случае законодатель проигнорировал необходимость учета межотраслевых связей — не было учтено, что на декабрь 2003 г. в КоАП РФ (ст. 12.24) пред-

усматривалась ответственность за нарушение правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение только легкого вреда здоровью потерпевшего.

По логике межотраслевого согласования в связи с декриминализацией нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшего по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью человека, данное деяние должно было перейти в разряд административных правонарушений, но в КоАП РФ соответствующие изменения тогда внесены не были. И только спустя почти полтора года Федеральным законом от 22 апреля 2005 г. № 38-ФЗ (вступил в силу с 6 мая 2005 г.) была установлена административная ответственность за нарушение правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение средней тяжести вреда здоровью потерпевшего. Декриминализацию в 2003 г. причинения средней тяжести вреда здоровью по неосторожности в целом (утрата силы ч. 3 и 4 ст. 118 УК РФ) Н. Ф. Кузнецова справедливо назвала «антиконституционной», «грубой ошибкой», поскольку это привело к переводу массовых преступлений в аморальные проступки¹¹.

И вновь на этом фоне, с учетом закрепленной в ст. 2 и отраженной в Особенной части УК РФ иерархии объектов уголовно-правовой охраны, а также оценки причиняемого реального вреда встает все тот же риторический вопрос — об обоснованности криминализации управления транспортным средством в состоянии опьянения, являющегося, по сути, деликтом создания опасности. Не стоит даже обсуждать соотношение его общественной опасности и общественной опасности деяний, реально причиняющих средней тяжести вред здоровью людей, волей законодателя переведенных в разряд административных правонарушений.

Также признавая необоснованным устранение уголовной ответственности за «виновное причинение физического вреда личности средней тяжести при совершении водителями автодорожных правонарушений», Л. В. Сердюк напоминает, что оно граничит с причине-

¹⁰ Грачева Ю. В., Коробеев А. И., Чучаев А. И. Новый вид транспортного преступления как модифицированный вариант хорошо забытого старого // *Lex russica*. 2015. № 4. С. 76—78.

¹¹ Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. академика В. Н. Кудрявцева. М. : Городец, 2007. С. 214—215, 219.

нием тяжкого вреда здоровью, в связи с этим считает целесообразным вернуть ответственность за причинение вреда здоровью человека средней тяжести в ст. 264 УК РФ (с чем вполне можно согласиться, но с оговоркой: делать это нужно не фрагментарно в одной отдельно взятой статье, а полномасштабно, т.е. необходимо «возвратная» криминализация причинения средней тяжести вреда здоровью по неосторожности в целом).

Также Л. В. Сердюк предлагает признать причинение вреда здоровью или причинение смерти потерпевшему при совершении аварии лицом, управлявшим автомобилем в значительной степени опьянения, совершенным с косвенным умыслом, а не по неосторожности, объясняя это тем, что, садясь в таком состоянии за руль источника повышенной опасности, лицо не может не сознавать опасность своего поведения, а следовательно, не может не предвидеть опасных последствий, находясь в состоянии опьянения при заторможенности восприятия действительности, оно не может рассчитывать на свой опыт¹². Спорное предложение с точки зрения теории конструирования квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений (напомним, что основной состав преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, содержит указание на неосторожную форму вины).

Но, с другой стороны, вполне понятна озабоченность ученого «зигзагами» современной российской уголовной политики, которая буквально «сквозит» во всей его публикации, написанной очень эмоционально (а подобных публикаций в последнее время появляется все больше и больше, особенно с лета прошлого года в связи с очередной «массированной атакой» законодателей на устои отечественного уголовного права).

Вводя в УК РФ новеллы, направленные на усиление уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, законодатель забыл о самом же им установленных правилах, допускающих освобождение от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести (при наличии иных установленных законом условий). А ведь именно к этим категориям относятся преступления, предусмотренные ст. 264 и 264.1 УК РФ.

Посмотрим теперь на статистические показатели, характеризующие практику применения норм об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и в связи с примирением с потерпевшим (ст. 75 и 76 УК РФ соответственно) в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренные ч. 2, 4, 6 ст. 264 и ст. 264.1 УК РФ¹³ (см. табл. 2).

Таблица 2

Норма УК РФ	Годы							
	2010	2011	2012	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2010—2016 гг.
<i>В связи с деятельным раскаянием</i>								
Часть 2 ст. 264	3	4	3	2	1	1	2	16
Часть 4 ст. 264	9	4	16	1	0	0	0	30
Часть 6 ст. 264	0	1	1	0	0	0	0	2
Статья 264.1	—	—	—	—	—	63	96	159
Итого: 207								
<i>За примирением с потерпевшим</i>								
Часть 2 ст. 264	598	629	650	627	604	314	326	3 748
Часть 4 ст. 264	69	87	79	79	80	60	30	484
Часть 6 ст. 264	2	6	3	3	0	1	0	15
Итого: 4 247								
Всего: 4 454								

¹² Сердюк Л. В. Безопасность эксплуатации транспорта, охрана общественного порядка и защита личности // Lex russica. 2016. № 11 (120). С. 126—127.

¹³ Отчеты о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) : сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2010 год, за 2011 год, за 2012 год, за 2013 год, за 2014 год, за 2015 год, за 2016 год / // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 21 апреля 2017 г.).

Как видим, общее число лиц, совершивших преступления, предусмотренные ч. 2, 4, 6 ст. 264 и ст. 264.1 УК РФ, и освобожденных от уголовной ответственности по указанным основаниям за 2010—2016 гг. составило 4 454. Это не столь большой показатель в общем количестве всех лиц, освобожденных от уголовной ответственности по данным основаниям за обозначенный период, но настораживает сам факт существования подобной практики на фоне объявленного нашим государством курса на усиление уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения. К тому же следует учитывать, что дополнительным объектом преступлений, предусмотренных ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, являются здоровье человека (ч. 2) и его жизнь (ч. 4 и 6), а последствием их совершения — причинение (пусть и по неосторожности) тяжкого вреда здоровью (ч. 2), смерти одному человеку (ч. 4) либо двум или более людям (ч. 6). В последних двух случаях описанная правоприменительная практика, в результате которой 531 преступник освобожден от уголовной ответственности, выглядит особенно порочной, поскольку жизнь человека — первейшее фундаментальное субъективное право человека и самый ценный объект уголовно-правовой охраны, который и в конституционно-правовой, и уголовно-правовой иерархии правоохраняемых благ стоит на первом месте. Вместе с тем такая практика имеет место и по многим другим преступлениям¹⁴, в частности по ст. 106—108 УК РФ (умышленные преступления против жизни), и по целому ряду неосторожных преступлений и преступлений с двумя формами вины (ст. 27 УК РФ), составы которых включают общественно опасное последствие в виде смерти одного человека либо двух или более лиц (ст. 109, ч. 2, 3 ст. 216, ч. 2, 3 ст. 219, ч. 2, 3 ст. 263, ч. 3, 5 ст. 264, ч. 2, 3 ст. 268 УК РФ и др.).

Легализовалась же эта практика в результате прежде всего практики законотворчества,

игнорирующей учет внутриотраслевых связей норм уголовного закона, что выразилось в распространении в 2003 г. действия ст. 75 и 76 УК РФ на преступления средней тяжести, изменении категоризации неосторожных преступлений (согласно ст. 15 УК РФ они отнесены теперь к категориям только небольшой и средней тяжести), корректировке санкций ряда статей Особенной части УК РФ и т.п. В качестве примера противоположного подхода к конструированию подобных норм об освобождении от уголовной ответственности можно привести опыт УК Республики Казахстан¹⁵, установившего в ст. 68 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением» запреты на освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, связанные с причинением смерти (ч. 1), а также лиц, совершивших преступления по неосторожности, повлекшие смерть человека либо смерть двух и более лиц (ч. 4).

Весомый вклад в формирование описанной российской правоприменительной практики, в частности по ст. 76 УК РФ, внесла и праворазъяснительная практика Конституционного и Верховного судов Российской Федерации, трактующая термин «потерпевший» исключительно «в пользу» уголовно-процессуального права и без изъятий, распространяющихся на ст. 76 УК и 25 УПК РФ. Поясним: если в уголовно-правовом смысле потерпевший — это лицо, непосредственно пострадавшее от преступления, которому преступлением причинен вред (в структуре состава преступления он является признаком объекта преступления, выступая в качестве предмета преступления), то по УПК РФ он — обладающий процессуальными правами участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения, и неважно, живой он или нет. Хотя в фактической реальности примириться с умершим потерпевшим невозможно, в правовой реальности существует его «уголов-

¹⁴ Кострова М. Б. От концептуальных уголовно-политических идей до их воплощения в тексте УК и УПК РФ, в праворазъяснительной и правоприменительной практике (на примере освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим) // Право и политика: теоретические и практические проблемы : сборник материалов 4-й Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 28—29 октября 2015 года / отв. ред. А. В. Малько. Рязань, 2015. Вып. 4. С. 352—359.

¹⁵ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. от 28 декабря 2016 г. № 36-VI) // Информационная система «КОНТИНЕНТ». URL: <http://continent-online.com/> (дата обращения: 5 февраля 2017 г.).

но-процессуальный заместитель»: сейчас согласно ч. 8 ст. 42 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего, предусмотренные УПК РФ, переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве — к одному из родственников. Сообразно этому Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 в п. 12 разъяснил: «При рассмотрении вопроса о применении положений статьи 76 УК РФ к лицам, совершившим преступление, последствием которого явилась смерть пострадавшего, судам следует иметь в виду положения ч. 8 ст. 42 УПК РФ о переходе прав потерпевшего в таких случаях к одному из близких родственников погибшего. При этом необходимо учитывать, что положения 5 указанной нормы не препятствуют признанию потерпевшими не одного, а нескольких лиц... примирение лица, совершившего преступление, с такими потерпевшими может служить основанием для освобождения его от уголовной ответственности»¹⁶. Заметим, что, вопреки прямому указанию ч. 8 ст. 42 УПК РФ на родственника в единственном числе, это правило, как считают Конституционный Суд Российской Федерации и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, не может истолковываться как не допускающее возможность наделения правами потерпевшего по уголовному делу о преступлении, последствием которого явилась смерть лица, одновременно

нескольких его близких родственников¹⁷. «Если преступлением затрагиваются права и законные интересы сразу нескольких лиц, являющихся близкими родственниками погибшего, и они настаивают на предоставлении им прав потерпевшего, эти лица могут быть признаны потерпевшими...»¹⁸.

Можно спрогнозировать, что практика освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших в состоянии опьянения преступления, предусмотренные ч. 2, 4, 6 ст. 264 и ст. 264.1 УК РФ, будет иметь тенденцию к расширению, поскольку с 2016 г., наряду со ст. 75 и 76 УК РФ, уже начала применяться ст. 76.2 УК РФ¹⁹, установившая новый вид освобождения от уголовной ответственности — с назначением судебного штрафа.

Вводя квалифицирующий признак «совершение преступления в состоянии опьянения» в единственный состав преступления, предусмотренный ст. 264, законодатель по неясным причинам не учел, что в УК РФ есть и другие преступления, последствием которых являются человеческие жертвы в результате нарушения специальных правил, в том числе и обеспечивающих безопасность движения и эксплуатации транспорта (железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного, метрополитена), они тоже могут совершаться в состоянии опьянения. В уголовно-правовой литературе уже ставился вопрос о том, почему данный квалифицирующий признак не введен, например, в ст. 263, 268 и в другие статьи гл. 27 УК РФ, т.е. в сходные составы преступлений,

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (в ред. от 29 ноября 2016 г.) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://www.vsrp.ru/Show_pdf.php?Id=8715 (дата обращения: 5 февраля 2017 г.).

¹⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 18 января 2005 г. № 131-О «По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33115.pdf> (дата обращения: 5 февраля 2017 г.).

¹⁸ Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (в ред. от 9 февраля 2012 г. № 3) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=7716 (дата обращения: 5 февраля 2017 г.).

¹⁹ См., например, постановления: Учалинского районного суда Республики Башкортостан от 2 декабря 2016 г. № 1-235/2016; Уфимского гарнизонного военного суда от 18 ноября 2016 г. № 1-42/2016; Бирского межрайонного суда Республики Башкортостан от 13 декабря 2016 г. № 1-272/2016; Севастопольского гарнизонного военного суда от 5 декабря 2016 г. № 1-54/2016 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 3 февраля 2017 г.).

посягающие на единый видовой объект²⁰. Проиллюстрировать парадоксальность этого несистемного законодательного подхода и его социальные последствия можно на одном только примере ст. 350 УК РФ.

Статья 350 УК РФ содержит специальную норму (по отношению к закрепленной в ст. 264), устанавливающую уголовную ответственность за нарушение правил вождения или эксплуатации боевой, специальной или транспортной машины. Эта норма находится в гл. 33 «Преступления против военной службы», соответственно, распространяется исключительно на военнослужащих, проходящих военную службу по призыву либо по контракту, и граждан, пребывающих в запасе, во время прохождения ими военных сборов (далее для краткости обе эти категории лиц будем именовать «военнослужащие»). Специфика не только субъекта преступления, но и объекта, и предмета преступления, и нарушаемых правил обуславливает нахождение ст. 350 за пределами гл. 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта», в которой расположена ст. 264. Вместе с тем эта специфика не должна, как думается, ставить специального субъекта — военнослужащего в исключительное положение, если он, управляя боевой, специальной или транспортной машиной в состоянии опьянения, совершает ДТП. Но именно это и произошло: при том что общественно опасные последствия в ст. 264 и ст. 350 УК РФ аналогичны, новеллы не затронули ст. 350, несмотря на очевидную потребность введения в нее квалифицирующего признака «совершение лицом, находящимся в состоянии опьянения», и усиления наказуемости по ст. 350 по аналогии со ст. 264. Такой подход, по меткому выражению Н. И. Исаева, свидетельствует о том, что законодатель не допускает даже мысли, что военнослужащие могут управлять специальной техникой, находясь в состоянии опьянения²¹.

Однако это не так, подтверждением чему служит правоприменительная практика военных судов. Например, Б. признан виновным в нарушении правил вождения боевой машины, повлекшем по неосторожности смерть человека (ч. 2 ст. 350 УК РФ), преступление совершено при следующих обстоятельствах: «... после употребления спиртных напитков Б. на закрепленной за ним боевой машине — БТР-80 без разрешения командования выехал с наблюдательного поста «Паук» войсковой части... в сторону н.п. Ередви Цхинвальского района Республики Южная Осетия... с целью приобретения спиртных напитков, разрешив посадку на «броню» БТР рядовым данной воинской части... Нарушая требования ст. 31, 244, 246 Наставления по автомобильной службе в Советской армии и Военно-Морском флоте... предписывающих перед началом движения водителю убедиться в правильной посадке личного состава, знать и точно соблюдать Правила дорожного движения, соблюдать меры безопасности при эксплуатации машины, п. 1.5, 2.7, 8.1, 8.12 и 10.1 Правил дорожного движения... не убевившись в безопасности совершаемого им маневра для лиц, находящихся на «броню» БТР, начал движение задним ходом и проехал под деревом, в результате чего Ф. ... был передавлен между «броней» БТР-80 и ветвями дерева...»²².

Аналогично по ст. 350 УК РФ, но уже по ч. 3 (нарушение правил вождения специальной машины, повлекшем по неосторожности смерть двух лиц) осужден К., который «...находясь в состоянии алкогольного опьянения, управляя специальной боевой машиной ГАЗ-233014 «Тигр»... двигаясь в г. Ростове-на-Дону по ул. Фурмановской... с превышением допустимой скорости, выехал на запрещающий сигнал светофора... и допустил столкновение с автомобилем «Киа Рио»... Этими действиями К., являясь участником дорожного движения, нарушил правила вождения и требования п. 6.2, 10.1

²⁰ Арзамасцев М. Состояние опьянения как квалифицирующий признак дорожно-транспортного преступления // Уголовное право. 2010. № 1. С. 4—8 ; Иванцова Н. В., Сосновский А. Л. Уголовно-правовые меры охраны жизни в сфере безопасности дорожного движения // Транспортное право. 2010. № 2. С. 5—8. СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Исаев Н. И. Уголовная ответственность за нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: научно-практическое пособие / под ред. Н. Г. Кадникова. М., 2011.

²² Приговор Владикавказского гарнизонного военного суда от 15 ноября 2013 г. № 1-118/2013 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 5 февраля 2017 г.).

и 10.2 Правил дорожного движения Российской Федерации... В результате указанного дорожно-транспортного происшествия наступила смерть Р. — водителя автомобиля «Киа Рио», а его пассажиру были причинены множественные телесные повреждения, которые повлекли за собой смерть...»²³.

Приведенные и иные многочисленные примеры из практики военных судов показывают, что военнослужащие нередко совершают преступление, предусмотренное ст. 350 УК РФ:

- 1) не только на «особых» территориях (например, полигоне), но и на автодорогах общего пользования, и в населенных пунктах;
- 2) причем либо при сочетании нарушений специальных правил и общегражданских Правил дорожного движения Российской Федерации, либо с нарушением исключительно последних;
- 3) находясь при этом в состоянии опьянения²⁴.

Наряду с этим содеянное военнослужащими, нарушившими правила дорожного движения при управлении в состоянии опьянения автомобилем, в том числе и легковым, что повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо смерть одного, двух или более лиц, квалифицируются по ч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ, т.е. с вменением квалифицирующего признака «совершение в состоянии опьянения»²⁵. Парадоксальность складывающейся ситуации явная, учитывая,

что предмет преступления, предусмотренного ст. 350 УК РФ, обладает, по сравнению с механическими транспортными средствами, указанными в ст. 264 УК РФ, повышенной потенциальной и реальной опасностью — к нему относятся состоящие на вооружении в войсках самодвижущиеся средства, которые участвуют в ведении боя либо обеспечивают ведение боевых действий войсками — танки, боевые машины пехоты, бронетранспортеры и т.п.²⁶

В завершение обратимся к ч. 1 ст. 63 УК РФ, введение которой Федеральным законом от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ почему-то обосновывалось не уголовно-правовыми реалиями, а соответствием «...уже существующему правовому механизму, закреплённому в части 1 статьи 4.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в соответствии с которой обстоятельством, отягчающим административную ответственность, признается совершение административного правонарушения в состоянии опьянения»²⁷. И в этой части, как представляется, реально ощутимого усиления наказаний за совершение преступлений в состоянии опьянения не произошло как минимум по двум причинам. Во-первых, в силу общих начал назначения наказания, установленных ч. 3 ст. 60 УК РФ, и раньше суды могли учитывать факт совершения лицом преступления в состоянии опьянения, только не в качестве отягчающего наказание, а как сведения,

²³ Приговор Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 5 февраля 2015 г. № 1-115/2014 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 5 февраля 2017 г.).

²⁴ Кассационные определения Северо-Кавказского окружного военного суда от 9 сентября 2010 г. № 261-КУ и от 16 июня 2011 г. № 256-КУ ; кассационное определение Ленинградского окружного военного суда от 15 сентября 2011 г. № 120-КУ ; постановление Приволжского окружного военного суда об отказе в удовлетворении надзорной жалобы от 19 июля 2010 г. ; приговор Калининградского гарнизонного военного суда от 12 ноября 2010 г. ; приговор Волгоградского гарнизонного военного суда от 9 ноября 2010 г. // РосПравосудие». URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 5 февраля 2017 г.).

²⁵ Кассационные определения Северо-Кавказского окружного военного суда от 23 августа 2012 г. № 22-366/2012 и от 12 января 2012 г. № 17-КУ ; апелляционное определение Северо-Кавказского окружного военного суда от 11 июля 2013 г. № 22А-276/2013 ; апелляционное постановление Северо-Кавказского окружного военного суда от 6 февраля 2016 г. № 22-62/2016 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 5 февраля 2017 г.).

²⁶ Уголовное право. Особенная часть : учебник для бакалавров / под ред. А. И. Чучаева. М., 2012. С. 494—495 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / отв. ред. В. В. Малиновский ; науч. ред. А. И. Чучаев. М., 2011. С. 982.

²⁷ Паспорт проекта Федерального закона № 244993-6 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации». Пояснительная записка к проекту (в части дополнения перечня обстоятельств, отягчающих наказание) // СПС «КонсультантПлюс».

характеризующие личность виновного²⁸. Во-вторых, признаниеотячающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, будучи отнесенным к дискреционным полномочиям суда (судьи), означает, что суд (судья) имеет возможность принять решение и о признании, и о непризнании его таковым. В обоих случаях он «оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» (ст. 17 УПК РФ). Как показывает практика последних лет, эта оценка оказывается различной у судов разных инстанций, свидетельством чему является многочисленная практика исключения данного обстоятельства из судебных решений вышестоящими судебными инстанциями. Так, изменяя приговор Симферопольского районного суда Республики Крым от 3 июля 2015 г. с исключением указания о признании в качестве обстоятельства, отягчающего наказание Н. и Ч., совершение ими преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, в состоянии алкогольного опьянения, на основании чего назначенное осужденным наказание соответственно смягчено, Верховный суд Республики Крым мотивировал это следующим: «Н. и Ч. признаны судом виновными в том, что они... в ходе распития спиртных напитков и словесной ссоры с потерпевшим... совместно нанесли ему множество ударов руками и ногами в область головы, груди, живота и верхних конечностей... В результате указанных действий Н. и Ч. причинили... телесные повреждения, повлекшие нанесение в том числе тяжкого вреда здоровью... от сочетанной тупой травмы тела в виде множественных повреждений головы, груди и живота, осложнившейся травматическим шоком, потерпевший скончался... Исходя из требований ч. 1.1 ст. 63 УК РФ и ч. 4 ст. 7 УПК РФ, выводы суда о признании совершения преступления в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, в качестве отягчающего наказание обстоятельства, должны быть,

во-первых, обоснованы характером и степенью общественной опасности преступления, обстоятельствами его совершения и личностью виновного, а во-вторых, мотивированы в приговоре. Фактическое нахождение виновных в момент совершения преступления в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, и констатация этого при описании преступного деяния само по себе не является основанием для признания данного обстоятельства отягчающим наказание. Вопреки указанным требованиям, признав в качестве отягчающего наказание обстоятельства совершения Н. и Ч. преступления в состоянии алкогольного опьянения, суд первой инстанции свои выводы не мотивировал»²⁹.

Еще один пример. Суд апелляционной инстанции исключил из приговора ссылку суда на признание в качестве отягчающего обстоятельства совершение осужденным преступления в состоянии опьянения, вызванного употреблением наркотических средств, и смягчил Т. наказание по следующим основаниям: «Приговором Ступинского городского суда Т. был признан виновным в незаконном сбыте наркотических средств, совершенном группой лиц по предварительному сговору в крупном размере, и в приготовлении к незаконному сбыту наркотических средств. При назначении наказания Т. суд в качестве отягчающего обстоятельства признал совершение осужденным преступления в состоянии опьянения, вызванного употреблением наркотических средств... Согласно положениям, закрепленным в ч. 1.1 ст. 63 УК РФ... такое решение суда в обязательном порядке должно быть мотивировано в приговоре. В соответствии с руководящими разъяснениями, содержащимися в п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 “О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания”, при разрешении вопроса о возможности признания указанного состояния лица в момент совершения преступления отягчающим обстоятельством суду надлежит

²⁸ На это вполне справедливо указывалось в утратившем силу постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» (п. 6) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://www.vsrf.ru/vscourt_detale.php?id=1035 (дата обращения: 5 февраля 2017 г.).

²⁹ Апелляционное определение Верховного суда Республики Крым от 17 ноября 2015 г. № 22-3144/2015 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 05 февраля 2017 г.).

принимать во внимание влияние состояния опьянения на поведение лица при совершении преступления. Вместе с тем, как следовало из приговора, суд первой инстанции, признавая состояние наркотического опьянения отягчающим обстоятельством, не только не привел никаких убедительных мотивов, по которым он пришел к такому заключению, но и не определил, каким образом такое состояние Т. повлияло на его решение сначала приобрести, а затем начать сбыт крупных партий «карбамоила»³⁰.

Как видим, доказанности факта причинения в состоянии алкогольного опьянения тяжкого вреда здоровью, причем непосредственно в ходе распития спиртных напитков, факта сбыта и приготовления к сбыту наркотических средств в состоянии наркотического опьянения (выражаясь неюридическим языком — продажа наркотика с целью получения денег на новую «дозу» наркотика), т.е. установленной судом взаимосвязи состояния опьянения и совершенного деяния оказывается недостаточным для применения ч. 1.1 ст. 63 УК РФ, поскольку «форма» (т.е. требуемая процессуальным законом обособленная и развернутая мотивировка) доминирует над содержанием. Заметим также, что такая правоприменительная практика формируется под воздействием праворазъяснительной практики Пленума Верховного Суда РФ, в последнем примере это проявляется особенно наглядно — решение принято со ссылкой на его «руководящие разъяснения».

Объявленный государством уголовно-политический курс на усиление уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, характеризуется целым рядом системных недостатков, что с учетом «вклада» всех форм реализации уголовной политики — законотворчества, правоприменения и праворазъяснительной

практики Конституционного и Верховного судов РФ — дает парадоксальные результаты, основные из которых уже описаны выше. Главный же парадокс видится в том, что обозначенная в заголовке настоящей публикации одна из составных частей современной российской уголовной политики не существует, т.е. в реальности есть некие целеполагания, есть и действия государства, но признать их уголовной политикой не представляется возможным.

Нельзя считать стратегией и тактикой борьбы с преступностью деятельность, которая:

- 1) носит фрагментарный, хаотичный и разноректорный характер;
- 2) в силу первого — заведомо не может обеспечить достижение объявленного целеполагания, а потому является в большей степени демонстративной, чем ведущей к реальным социально-полезным результатам;
- 3) осуществляется без полномасштабного учета общесоциальных и криминальных реалий, а также без учета потенциальных возможностей уголовного права в преодолении какого-либо негативного явления.

Эти нелестные характеристики можно было бы продолжить, причем касаются они и других составных частей современной российской уголовной политики, направленной на «усиление», которого было очень даже немало за последние годы, — в части усиления ответственности за преступления экстремистской и террористической направленности, за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних, за преступления коррупционной направленности. Поэтому итоговый вывод таков: России нужна целостная, а не «точечная», четкая, ясная, последовательная, социально, криминологически и научно обоснованная, экономически сбалансированная уголовная политика.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арзамасцев М. Состояние опьянения как квалифицирующий признак дорожно-транспортного преступления // Уголовное право. — 2010. — № 1.
2. Грачева Ю. В., Коробеев А. И., Чучаев А. И. Новый вид транспортного преступления как модифицированный вариант хорошо забытого старого // Lex russica. — 2015. — № 4.

³⁰ Извлечение из определения судебной коллегии по уголовным делам № 22-1161 от 25 февраля 2016 г. // Бюллетень судебной практики Московского областного суда за первый квартал 2016 года (утв. президиумом Мособлсуда 11 мая 2016 г.) // СПС«КонсультантПлюс».

3. Иванцова Н. В., Сосновский А. Л. Уголовно-правовые меры охраны жизни в сфере безопасности дорожного движения // Транспортное право. — 2010. — № 2.
4. Исаев Н. И. Уголовная ответственность за нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств / под ред. Н. Г. Кадникова. — М., 2011.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / отв. ред. В. В. Малиновский; науч. ред. А. И. Чучаев. — М., 2011.
6. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». — М., 2007.
7. Сердюк Л. В. Безопасность эксплуатации транспорта, охрана общественного порядка и защита личности // Lex russica. — 2016. — № 11 (120).
8. Спасенников Б. А., Спасенников С. Б. Невменяемость в уголовном праве. — М., 2013.

Материал поступил в редакцию 5 февраля 2017 г.

PARADOXES OF RUSSIAN CRIMINAL POLICY ON ENHANCING THE RESPONSIBILITY OF PERSONS HAVING COMMITTED A CRIME WHILE INTOXICATED

KOSTROVA Marina Borisovna — PhD in Law, Associate Professor, Professor at Bashkir State University
kostrovam@mail.ru
450076, Russia, Ufa, Zaki Validi Street, 32

Review. The subject of this study is the correlation between the declared targeting and the actual results of the Russian Criminal Policy 2009-2017 in part of strengthening of criminal responsibility and punishment of persons committing crimes while intoxicated. The author analyses and critically assesses the legislation novelties in this direction and the practice of their implementation.

The overall conclusion of the author is disappointing: announced by our State criminal policy to strengthen criminal responsibility and punishment of persons who committed crimes while intoxicated is characterized by a number of systemic weaknesses that, in view of the "contribution" of all the forms of implementation of criminal policy - legislation, enforcement activities and the practice of the Constitutional and Supreme courts of the Russian Federation - leads to paradoxical results, the main ones are the following.

1. Criminalization in 2014 of such an act as the driving of a motor vehicle by a person in a state of intoxication, which is, in fact, a minor hazardous offence (Art. 2641), has been carried out against the backdrop of the 2003 decriminalization of more socially dangerous acts from the point of view of the values of objects of the criminal legal protection. It also gives a significant increment in the number of persons with convictions for minor offences that are not consistent with the trend of criminal policy in the part of its focus on reducing the number of persons having convictions for minor offences, and also more dangerous ones.
2. The policy of 'strengthening' is of fractionary nature, which is manifested in the establishment of the qualifying feature 'committing of a crime in a state of intoxication' (Article 264 of the Criminal Code) only in one offence; as a result equal and even more dangerous acts remain outside the concept.
3. Permissible by criminal law and implemented in practice possibility of exemption from criminal responsibility (on the grounds established by Art. 75 and 76 of the Criminal Code) for persons who have committed offences under Art. 264 and 2641 of the Criminal Code eliminates the objective of enhancing the criminal responsibility of individuals having committed the offences while intoxicated.
4. Introduction into Art. 63 of the Criminal Code of such circumstances aggravating punishment as 'an offence in a state of intoxication', does not give a real scale strengthening of punishment of persons who committed offences while intoxicated.

Keywords: law, criminal law, criminal policy, legislation, law enforcement, law interpretation practice, criminal responsibility, punishment, intoxication, traffic safety and operation of transport.

BIBLIOGRAPHY

1. Arzamastsev, M. Driving while Intoxicated as a Sign that Increases the Punishment for Road Accident // Criminal Law. — 2010. — No.1.
2. Gracheva, Yu. V., Korobeev, A. I., Chuchayev, A. I. New Type of Transportation Crime as a Modifies Type of the Forgotten Old Type // Lex russica. — 2015. — № 4.

3. *Ivantsova, N. V., Sosnovskiy, A. L.* Legal Criminal Measures for the Protection of Life in the Field of Road Traffic Safety // Transportation Law. — 2010. — № 2.
4. *Isaev, N. I.* Criminal Responsibility for Violation of Traffic Rules and Operation of the Vehicle / *Kadnikov N. G.* (ed.) — М., 2011.
5. The Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation for Prosecutors (Article by Article) / V. V. Malinovskiy (ed.); A.I. Chuchaev (scient. ed.). — М., 2011.
6. *Kuznetsova, N. F.* The Problem of Qualifying a Crime: Lectures for the Option Course 'The Basics of Crimes Qualification'. — М., 2007.
7. *Serdyuk, L. V.* Safe Operation of Transport, Protection of Public Order and the Protection of an Individual // Lex Russica. — 2016. — No. 11 (120).
8. *Spasennikov, B. A., Spasennikov, S. B.* Insanity in Criminal Law. — М., 2013.